

ГЛАВА 12. САМООПРЕДЕЛЕНИЕ НАЦИЙ И ПОТЕНЦИАЛ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЛИКТНОСТИ

А.Д.Богатуров

Сдвиги, инициированные в международной структуре «эпохой Горбачева», определили новое соотношение компонентов международной конфликтности. Исчезла глобальная угроза столкновения коммунистической экспансии с западным сообществом. Но одновременно на региональных уровнях усилился рост дезинтеграционных тенденций, угрожающий взрывом колоссальной разрушительной силы. И, пожалуй, никогда ранее деструктивные явления не были так тесно связаны с межнациональными, межэтническими конфликтами.

Трагедия Югославии и события на территории бывшего Советского Союза лишь самые яркие тому примеры. Территориальные претензии Румынии Украине (Северная Буковина, Южная Бессарабия), Венгрии — Румынии (Трансильвания); сепаратизм македонцев и ирредентизм бывших югославских (сербских, косовских) албанцев, мечтающих влиться в Албанию, болгарско-турецкий антагонизм в Болгарии.

Брожение на востоке Европы возбуждает колебания на западе, где достаточно своих болевых точек — фламандский вопрос в Бельгии, проблемы Ольстера и Шотландии для Великобритании, Корсики — для Франции, Страны Басков и Каталонии — для Испании, Южного Тироля и даже Ломбардии — для Италии. Не составляет исключения и Америка. Здесь на переднем плане — англоязычная Канада с неясным будущим франкоязычного Квебека.

В Азии наибольшие опасения внушает ядерный Китай, руководство которого в ходе неизбежных реформ рано или поздно столкнется с комплексом проблем в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, Внутренней Монголии и Тибете. Особый случай — Африка, буквально покрытая сетью межэтнических конфликтов — от Эфиопии до ЮАР и от Либерии до Сомали.

Почти все эти конфликты разворачиваются под лозунгом самоопределения наций. Между тем смысл его от чрезмерного употребления расплылся. Для туземцев Восточного Тимора понятие «самоопределение» значит одно, для страны «черного расизма» Нигерии — другое, для алжирских фундаменталистов — третье. Отсутствие общего понимания самоопределения наций — один из самых существенных пробелов в политологии, в том числе российской, хотя для России как многонациональной державы вопрос этот особенно важен. Не претендующая на всесторонний охват, эта глава — попытка осмыслить проблему национального самоопределения в реалиях сегодняшней политики.

I

Попробуем выделить главные черты самоопределения наций как международно-политического процесса. Первой бросается в глаза его архаичность. В самом деле, этот процесс лежит в основе международного общения с самого момента его зарождения, и лишь термин «национальное самоопределение» был изобретен в новое время. На память приходит меланхолическая строка из Екклесиаста: «...и нет ничего нового под солнцем» (Еккл., 1, 9).

Национальное самоопределение — это реализация этносом природного инстинкта к приобретению максимально благоприятного положения по отношению к окружающей среде, главнейшими образующими которой являются другие этносы, их государственные образования, а также природные ресурсы. Современный человек, конечно, чувствует соблазн заменить в этом определении «максимально» на «оптимально», и в этом желании он прав. Но лишь в теории. В действительности любой этнос склонен считать оптимальными именно максимально благоприятные условия. Это — конфликтообразующее обстоятельство, но такова уж природа самоопределения — стремления первобытного, инстинктивного и оттого такого стойкого и малоуправляемого.

Отсюда ясно, что чем дальше этнос отошел от первобытных моделей сознания, чем глубже в него проникло рациональное мышление, тем надежнее оно уравнивает неконтролируемые эмоциональные выплески и тем цивилизованнее может идти процесс. Самоопределение, как видим, во многом сводимо к проблеме уровней социально-экономического развития. Неудивительно, что образ действия сторон в карабахском конфликте разительно отличается, к примеру, от поведения противостоящих партий в Стране Басков, не говоря о Квебеке; а североирландский терроризм при всей своей дикости чуть-чуть сдержаннее шиитского и арабо-палестинского.

Ключевая характеристика самоопределения наций как понятия — его нейтральность, неподверженность оценочным элементам. Самоопределение само по себе — это ни хорошо, ни плохо, это просто данность, с которой надо считаться. Державное иго условных македонцев при Александре Великом, вступивших в борьбу за самоопределение среди балканских племен еще при его отце, дало невиданный толчок прогрессу обществ от Восточного Средиземноморья до Согдианы и Гиндукуша. А нашествие на Русь ордынских татар, тоже, кстати, самоопределившихся от империи Чингисхана, как минимум, круто увело страну в сторону от магистрали общеевропейского пути, куда она потом многожды пыталась вернуться.

Отпадение американских колоний от британской короны стало прологом к возникновению общества, на долгое время ставшего эталоном предприимчивости, а затем и плюралистической политической культуры. А распад империи Габсбургов привел к формированию в юго-восточной Европе не поддающегося саморегулированию узла национально-государственных противостояний, с начала XX века оста-

ющего источника региональной напряженности. Сербо-хорватский конфликт и война начала 90-х годов — лишь одно из многих отдаленных последствий отказа от, так сказать, экспансивного варианта самоопределения австрийцев в пользу ограничительного, национально-государственного.

Внутреннюю противоречивость тоже стоило бы выделить в качестве черты самоопределения. В истории трудно вспомнить хотя бы один пример, когда национальное самоопределение при благоприятных условиях не тяготело бы к избыточному национальному самоутверждению — попросту говоря, к экспансии за счет других государств или народов. Не всегда это удается, но всегда такие поползновения возникают — идет ли речь о сложившейся в XVII веке в Северной Америке примитивной индейской протоимперии ирокезов (блестяще исследованной основоположником мировой антропологии Льюисом Морганом) или о созданной на двести лет раньше мощной среднеазиатской державе Тамерлана.

Самоопределяясь, древние египтяне создали неповторимый очаг культуры, возвысившийся над окружающим морем дикости и первобытного варварства. Но и бедуинские племена Аравии начали с самоопределения, чтобы вскоре сокрушить более высокие эллинистические цивилизации Ближнего Востока. Взаимно самоопределившись в средние века, Британия и Франция дали миру две поразительно богатые ветви европейской учености, а самоопределение буров, потомков носителей другой, и тоже славной культуры, голландской, привело к апартеиду в Южной Африке.

В порыве национального самоутверждения римляне или турки-османы создали в своих империях невиданные по тем временам условия для расцвета в рамках, как бы мы сегодня сказали, единого экономического, политического и культурного пространства. Но тот же механизм национального самоутверждения подвигал покоренные народы к возмущению и готовил гибель или видоизменение этих и других великих монархий — французской в 1815 году, австро-венгерской в 1918 году, британской, плавно трансформировавшейся в Содружество, в 1931 году. В 1991 году под натиском самозабвенно самоопределяющихся республик пала и воздвигнутая на древних костях российской многонациональной державы 74-летняя империя большевиков.

Противоречивы даже сами установки самоопределяющихся народов. Сетую на тяготы пребывания в составе Российской и советской империй, в конце 80 — начале 90-х Грузия демонстрировала образцы «имперского поведения» в отношении Абхазии и Южной Осетии. Казанские радикалы, добивавшиеся при Ельцине суверенизации Татарии в составе СНГ, совсем не склонны признавать тех же прав за своими ближайшими соседями (но не столь близкими родственниками), башкирами. Много веков страдавшая от национального угнетения турками, Греция сама всего за несколько десятилетий почти ликвидировала путем ассимиляции македонское меньшинство, оказавшееся в ее пределах после 1913 года. В этот ряд вписывается и политика

молодого литовского государства в отношении поляков бывшей Виленской области, а Латвии и Эстонии — в отношении русских.

Стоит ли удивляться, что и крупные этносы чувствительны к вопросам самоутверждения на территории, которую они считают национальной. Нетрудно представить, как реагировало бы сознание среднего американца, например, на известие о том, что из состава США решила выделиться (да простят мне американцы эту химеру) Флорида, где проживает такое количество кубинцев, что при его дальнейшем росте может возникнуть соблазн заговорить об их национальной автономии.

Сомнительно, чтобы и русское национальное сознание восприняло перспективу дальнейшего дробления страны, теперь уже собственно России, с тем же безразличием, с которым оно в целом отнеслось к отделению Молдовы или Армении. Что же касается Китая, то его возможные реакции на угрозу перерастания национальных тенденций в явно сепаратистские, в силу комплекса политико-идеологических и психологических причин, могут быть, скорее всего, весьма энергичными. Советский вариант мирного «развода» республик с центром в КНР имеет мало шансов на успех.

Наконец, самой обобщающей характеристикой процесса самоопределения является его двухслойный характер. В самом деле, самоопределение нельзя свести только к сепаратизму, потому что в тенденции оно закономерно предполагает образование крупных государств, в том числе многонациональных. В нашей политологии «застенчиво» обходится этот аспект. Возможно, оттого, что ленинизм в сознании еще не преодолен.

Как известно, для В.И.Ленина главным было, во-первых, принципиальное право наций на отделение и создание независимого государства; во-вторых, противодействие «практицизму» в национальном вопросе — то есть попыткам реализовать этот признаваемый большевиками в теории постулат на практике. Для нас не так важны оттенки ленинской мысли, однако существенно, что исходной точкой для В.И.Ленина был распространенный среди либеральной интеллигенции начала XX века психологический комплекс вины великороссов как представителей самой крупной, «угнетающей», по большевистской терминологии, нации, перед «угнетенными» нациями Российской империи. Иначе необъяснимо, почему В.И.Ленин понимает под самоопределением почти исключительно один сепаратизм. Тогда как теоретически термин «самоопределение» мог бы относиться, скажем, и к стремлению русской нации обрести то самое максимально благоприятное положение относительно окружающей среды, с которого мы начали этот раздел.

Комплекс этой вины, конечно, возник не случайно и отражал болезненные переживания лучшей частью российского общества своей принадлежности к народу, именем которого монархия проводила русификацию народов России. Однако после октября 1917 года ситуация изменилась: русский народ сам стал объектом политики искоре-

нения национального духа, характера и быта под лозунгом пролетарского интернационализма. Драматизм же ситуации состоял в том, что, будучи такой же антирусской, как и антигрузинской или антиукраинской по сути, советизация России по форме продолжала выступать как русификация. Соответственно, сохранился комплекс вины, заставляющий многих и сегодня понимать самоопределение наций лишь как эмансипацию нерусских народов от России, а не как возрождение великороссов в своем не только политическом, но и национальном качестве.

Таким образом, процесс самоопределения наций предстает как сочетание двух тенденций: образования крупных государств [1]; их дробления [2] в результате попыток отдельных этносов перераспределить в свою пользу сложившийся в государстве баланс гражданских прав и свобод или же создать новый баланс вне старых государственных рамок. Специфика момента в том, что вторая тенденция грозит стать преобладающей, что не только противоречит логике взаимосближения в интересах хозяйственного развития, но и сопряжено с упадком глобальной стабильности.

II

Виток эскалации межнациональной конфликтности в начале 90-х годов тревожил особенно. Для того были причины. Важнейшая среди них — структурная. Начавшись как военно-политические, советско-американские переговоры 1985-1990 годов вылились в глобальный диалог о демонтаже биполярной в военно-политическом отношении модели мира, каким он сложился между концом 40-х и серединой 80-х годов. Кувейтский кризис 1990-1991 годов стал рубежом перехода к монополярности, где роль главного, абсолютно превосходящего всех по совокупности возможностей полюса отошла к США. Правда, нельзя сказать, чтобы США стали управлять миром из Белого дома. Скорее, надо полагать, что источником регулирующих импульсов стала в целом группа высокоинтегрированных в НАТО и ЕС и взаимозависимых стран Запада, Япония, а также до последнего своего дня тяготевший к сотрудничеству с ними Советский Союз.

Образно говоря, после сорока лет противостояния двух вздыбленных военных супергигантов, СССР и США, мировая структура «распласталась» — стала плоской. Сместившись, в ее центре оказались высокоинтегрированные передовые демократии, а на периферии — рыхлый, стагнирующий, вязнувший во внутренних конфликтах развивающийся мир. Причем центр явно отказывался от прямой (военной и политической) вовлеченности в дела периферии. Но не желая изолироваться, он стал стремиться контролировать периферию косвенно, через те государства, которые в силу каких-то обстоятельств занимали в новой структуре мира промежуточное положение.

К 90-м годам его фактически занимали, во-первых, новые индустриальные страны (НИС), а во-вторых, транссоциалистические государства, то есть бывшие (и остающиеся) социалистические страны,

включая СССР и Китай. Роль первых была главным образом экономической, вторых — политико-военной. НИС в целом обнаружили высокую степень внутренней стабильности и выполняли свою миссию достаточно эффективно. В отличие от них транссоциалистические страны стали зоной повышенного риска. Из субъектов посреднических усилий мирового центра, с тревогой просчитывающего последствия реальной и потенциальной дезинтеграции бывшего «Востока».

Прогнозы о перемещении эпицентра глобальной конфликтности с оси «Восток — Запад» на ось «Север — Юг» самым парадоксальным образом оспорены реальностью. Казалось, что в перспективе угроза глобальной стабильности будет связана не столько с напряженностью между центром и периферией — развитыми и слабо развитыми странами, — сколько с кризисом амортизирующей «прослойки», важнейшим компонентом которой был транссоциалистический сектор мировой политики.

В начале 90-х особую тревогу вызывали сразу три транссоциалистические страны — Украина, Белоруссия и Казахстан — оказавшиеся «ядерными наследниками» разрушившегося Союза ССР. Правда, руководство Белоруссии сразу же заявило о стремлении придать своей стране нейтральный безъядерный статус. Вслед за тем Украина тоже стала настаивать на своем желании отказаться от обладания ядерным оружием и тем самым ускорить удаление со своей территории войск, которые подчинялись непосредственно Москве. Менее очевидными были мотивы расставаться с ядерным статусом у Казахстана, который переживал своего рода шок от сепаратного соглашения славянских республик в Белой Веже, в результате которого СССР был фактически распущен, а его азиатские члены «оставлены за бортом».

В такой ситуации отдалиться от России для Казахстана значило бы остаться один на один с таящим в себе неопределенности азиатским окружением — от пока еще стабильного Китая до труднопрогнозируемых и переживающих сложный этап внутренних трансформаций ближайших (Узбекистан и Киргизия) и близких (Таджикистан и Туркмения) среднеазиатских соседей. Особенно с учетом того, что обеспечение безопасности самих этих соседей, если им суждено было бы оказаться без российского «ядерного зонтика», может стать не таким простым делом перед лицом находящегося на пороге крутых перемен Афганистана и фундаменталистского Ирана с их многочисленными таджикским и туркменским меньшинствами, а также закаленного в нескончаемых войнах Пакистана.

В свою очередь, всякое изменение нынешнего ядерно-силового баланса в Центральной Азии не будет оставлено без внимания «полужадерными» Индией и Пакистаном.

Несмотря на вывод ядерного оружия с территории трех республик в Россию, по крайней мере, одна из них — Украина — обладает достаточным потенциалом, чтобы остаться в разряде пороговых, «околоядерных» держав, которых в мире уже много. Но это именно

оптимистический вариант. При любом ином пример новоявленной ядерной страны, если такая объявится, способен стать фатальным ускорителем движения к обладанию ударными атомными средствами не только пороговых, но вообще всех индустриальных и индустриализирующихся держав, озабоченных своей безопасностью на фоне кризиса международного режима нераспространения.

Помимо структурных и военно-стратегических есть политико-психологическая причина, осложняющая сдерживание конфликтности. В отличие от предшествовавших десятилетий на рубеже 90-х годов острота национальных споров нарастала **лавинообразно**. Множественные политические сдвиги в Центральной и Восточной Европе повлекли за собой слишком быструю трансформацию глобальной системы. Эти изменения сопровождались обесцениванием традиционных факторов глобального и регионального сдерживания, замыкавшихся на биполярное противостояние США и СССР. Старые методики проецирования американской и советской мощи (не только военной, но также политико-экономической) на региональные конфликты стали непригодными, а новые не успели возникнуть.

Строго говоря, лавинообразно нарастали события и в конце 50 — начале 60-х годов, когда шквал самоопределения налетел со стороны бывших колониальных и полуколониальных стран. И тогда он внес сумятицу в головы политиков. Она порожила неверные интерпретации событий, создававших, в частности, политико-психологический фон Карибского кризиса. Ведь именно подъем национально-освободительного движения, с одной стороны, утверждал Н.С.Хрущева в иллюзиях относительно скорой гибели «мирового империализма» и США как его главной силы, а с другой — добавлял нервозности Дж.Кеннеди, которому пришлось наблюдать латиноамериканский вариант самоопределения наций теперь уже у самых границ своей державы.

Но тогда оба лидера имели основания для уверенности в своей власти, способности не только принимать решения, но и полностью контролировать их выполнение. Иначе последствия событий вокруг Кубы могли быть другими. Сегодня ситуация иная. Иная во многом потому, что национальные конфликты, требующие реагирования всех ведущих членов мирового сообщества, наложились на тенденцию к падению эффективности механизмов власти и управления во всех транссоциалистических государствах — прежде всего в России и других странах СНГ.

Политическое сознание не поспевает за событиями. Возник своеобразный «кризис понимания» происходящего. В результате политико-формирующие элиты в Москве и Вашингтоне, возможно пассивно реагируют на события, вместо того чтобы направлять их.

Одна из психологических сложностей международного взаимодействия связана, в частности, с размыванием грани между воздействием на национальные конфликты и вмешательством во внутренние дела. Именно эта проблема всегда была для Москвы наиболее болезненной, шла ли речь об американских попытках влиять на Чехословакию,

Румынию или Афганистан, не говоря уже о Прибалтике, до 1991 года видевшейся из Москвы неотъемлемой частью советской территории.

Между тем, оказывается, российское руководство, в сущности, может быть заинтересовано в более активном подключении Вашингтона к регулированию ситуации, например в Афганистане или Закавказье. Конечно, наряду с политико-психологическими сохраняют значение экономические аспекты. В частности, скажем, финансовая эффективность международных усилий по сдерживанию национальных конфликтов. Их обострение пришлось на период, когда ресурсы передовой части сообщества оказались относительно ограниченными. Во-первых, затраты на международный менеджмент постоянно росли и превратились в заметное бремя; во-вторых, страны Запада вступили в полосу циклического экономического спада; в-третьих, мировое сообщество далеко не всегда умело выработать рациональную политику использования имеющихся ресурсов, что порождает сомнения в целесообразности увеличения затрат.

На этом аспекте стоит остановиться. В последние годы стали возрастать удельные издержки управления конфликтами. В ряде случаев конфликтующие стороны, будь то камбоджийские партии, эритрейские повстанцы или южноафриканские темнокожие радикалы, мало-помалу разработали собственную тактику привлечения зарубежных средств, максимально затягивая переговоры по урегулированию, увязывая свои уступки с экономическими подачками, наконец, всемерно преувеличивая реальные и гипотетические потери от конфликта в расчете на их хотя бы частичное покрытие международными институтами.

Случались и более драматические ситуации. Иногда щедрость мирового сообщества приводила к явно нежелательным последствиям с точки зрения долгосрочных перспектив урегулирования конфликта. Будучи проявлением ответственности развитой части мира за международную стабильность, западная помощь способна порождать у конфликтующих сторон опасные иллюзии.

Следующим по значению за структурным фактором является ядерный. Наверное, впервые со времени Карибского кризиса 1962 года взрывоопасный потенциал, связанный с межнациональными противоречиями, имеет столь сильно выраженное ядерное измерение. Непокоримая уверенность президента М.С.Горбачева в том, что необходимо и возможно сохранить Советский Союз в качестве централизованного государства, не позволила ему запланировать меры к сохранению за Москвой исключительного контроля над стратегическим ядерным потенциалом. Украина и Беларусь заявили о стремлении обрести безъядерный статус. В конце декабря 1991 года желание стать безъядерной зоной высказал Казахстан. Все три государства выразили готовность следовать международным обязательствам в том, что касается ядерных вооружений. Настояв на своем праве влиять на принятие решений о применении «ядерной кнопки», республики согласились оставить ее в руках президента России. Все это смягчило ситуацию, но не возвратило ее к исходной точке, когда привержен-

ность ядерного клуба принципам нераспространения закреплялась не только односторонними заявлениями и международно-правовыми нормами, но и почти четвертьвековой практикой строгого следования таким обещаниям.

Вспышка конфликтности в национальной сфере была неизбежна. Она связана с закономерным прохождением многих народов, не имевших возможности сделать это ранее, через этап взаимного отторжения. Будем надеяться, что это только неизбежная ступень к будущему сближению. Но это слабое утешение. Можно ожидать, что нынешний виток потрясений через какое-то время даст новое качество стабильности — размежевывающиеся страны и народы оценят издержки изолированности и вернуться на магистраль интеграции. Но лишь уповать на лучшее недостаточно. Бездействие так же неуместно, как излишняя активность. Международное сообщество не в силах предотвратить локальную дезинтеграцию или остановить ее. Но оно может влиять.

III

На уровне долгосрочной стратегии объединяющей целью может стать содействие возникновению эффективных политических пространств, то есть государств и межгосударственных объединений, способных развиваться в качестве устойчивых саморегулирующихся систем, пригодных для свободной экономической интеграции в окружающий мир и не представляющих опасность для международной стабильности.

В идеале, как показывает весь ход мирового развития, именно крупные пространства лучше всего отвечают таким требованиям. Однако конкретная их конфигурация и оптимальные размеры зависят от множества привходящих факторов. В данном случае важно подчеркнуть главное: крупные пространства в принципе, в тенденции имеют при прочих равных лучшие шансы обеспечить себе благоприятное положение относительно окружающей среды, в том числе международно-политической.

Вместе с тем, очевидно, что величина и состав любого государства, равно как образования вроде нашего СНГ, всегда в решающей степени зависят от его собственной способности быть или стать эффективным — прежде всего в экономическом, но, конечно же, и в военно-политическом смысле. В конце концов распад Советского Союза, равно как и старой югославской федерации, — это ни что иное, как свидетельство их политической неэффективности, в том числе неэффективности модели внеэкономической мобилизации наций в длительной исторической перспективе. Но отсюда же следует и другое: национальное самоопределение может и не привести к распаду крупного государства, если его экономическим фоном не будет развал хозяйства.

В передовой части мира фактически нет разногласий в том, что для регулирования межнациональных споров — экономические методы предпочтительнее любых других. Именно экономический прогресс

позволяет снять изначальное противоречие между стремлением этноса повышать уровень своего благополучия как абсолютно, так и относительно. В самом деле, право самоопределяющегося латыша или хорвата кончается там, где оно начинает становиться бесправием русского или серба. И наоборот. Мы видим как бы изъятие из прав каждого. Но в этом изъятии заложено право их обоих подняться до такого уровня социально-экономического развития, при котором национальные противоречия не будут сопряжены с «запредельной» конфликтностью. Иначе говоря, достаточно высокие темпы абсолютного прогресса общества, несомненно, способны нивелировать стремление одного этноса к максимализации его устремлений относительно другого.

Лишь экономические методы способны обеспечить, например, воспитание в среде конфликтующих народов новой политической и экономической элиты, тяготеющей к транснациональному мышлению и поэтому более склонной к взаимному компромиссу. В ряде трудных для управления конфликтов этот путь — единственно возможный. Прежде всего имеется в виду конфликт в Палестине (который надо отделять от так называемого арабо-израильского), понимаемый как спор ее арабского населения с правительством государства Израиль.

Вместе с тем экономическое влияние инертно. Оно сказывается не сразу и поэтому бывает не очень эффективным при стремительном нарастании событий. Тот же палестинский конфликт убеждает, что в обозримом будущем не приходится особенно рассчитывать на отказ от политико-силовых методов регулирования. Способность государства настоять на своем решении, как и прежде, зависит от того, насколько сильную власть оно представляет.

Демократический мир един в понимании неприемлемости насилия как способа решения межнациональных споров. Но приходится констатировать, что сознательный отказ правительств от применения силы не всегда спасает от кровопролития. Более того, случается, что он его провоцирует. Мы знаем множество примеров, когда национальные правительства, опасаясь негативных реакций внешнего мира, медлили с применением мер давления на национал-радикалов, фактически давая им шанс консолидироваться. Это выливалось в формирование вооруженных отрядов и спонтанное применение силы снизу. Так, вместо отказа от применения силы мы видели отказ от ответственности за ее применение.

По этому сценарию развивались конфликты в Карабахе, Южной Осетии, Хорватии, Сербии — и по всей территории бывшей Югославии. Безусловно осуждая прямое применение силы в национальных конфликтах, не стоит все же забывать о ее стабилизирующей, сдерживающей способности. Конечно, речь идет, так сказать, о некоем силовом минимуме. Но минимуме достаточном, чтобы связать неконтролируемые устремления экстремистов.

Вопрос о силе и издержках силового регулирования оттеняет необходимость практической работы для сближения международных стандартов в подходе к самоопределению. Сопровождение стран ЕС в

Брюсселе в декабре 1991 года, по итогам обсуждения обстановки в Югославии, предложило свой вариант базисного консенсуса по вопросу самоопределения. «Брюссельский минимум» состоял из пяти пунктов: приверженность демократии, уважение границ, мирное разрешение споров, уважение прав человека, гарантии прав национальных меньшинств. Соблюдения всех пяти условий, по мнению Европейского сообщества, достаточно для признания субъекта самоопределения и установления с ним дипломатических отношений. Эта программа могла бы стать отправным пунктом для более широкой дискуссии.

Думается, что безусловной поддержки заслуживают два главных принципа декларации ЕС: уважение демократии и мирное урегулирование межнациональных споров. Не столь очевидной кажется универсальность трех других.

Во-первых, нет ясности в соотношении между гарантиями прав человека и прав национальных меньшинств. Как представляется, первые подразумевают вторые, включают их в себя и уже в этом смысле являются основополагающими. Между тем конфликты по всему транссоциалистическому миру наглядно показывают, что большинство движений, самоопределяющихся от центра, ставит права нации выше прав человека. Это мы наблюдаем всюду — от прибалтийских стран до Молдовы и от Хорватии до Азербайджана.

Подчеркнутое уважение к правам национальных меньшинств, безусловно, понятно в контексте современных западных представлений о свободе и демократии. Но в условиях транссоциалистических преобразований, тяготеющих к Востоку политических традиций на огромном пространстве от Балкан до Дальнего Востока, оно граничит с абсолютизацией.

Опыт показывает, что национал-радикалы видят в концепциях самоопределения лишь то, что они хотят в них увидеть (конкретно — обещание помощи и солидарность), а не всю ту гамму идей, которые закладывались в эти концепции их авторами.

Во-вторых, неубедительны увязки прав человека, равно как и прав меньшинств, с признанием существующих границ. Какие границы должны признаваться основополагающими? Государственные или административные? Исторические или современные? Наконец, как быть в ситуации, когда вчерашние административные границы сегодня становятся межгосударственными? Ведь государственные границы сплошь и рядом становились результатом произвола властей держащих и конкретного соотношения сил между государствами. Это относится и к границам между Ираком и Кувейтом, Болгарией и Македонией, Ираном и Азербайджаном. То же самое можно сказать и о разделительных линиях между Хорватией и Сербией, а также Россией и Украиной.

С одной стороны, интересы международной стабильности диктуют необходимость минимализации перекройки границ. С другой — никто не решается оспаривать право каждого народа решать свою судьбу. Хельсинкский акт с зафиксированным в нем принципом

признания нерушимости существующих границ в Европе в этом свете был грандиозным шагом к ненасильственному миру, но одновременно всего лишь этапом на этом пути.

В свое время именно самоопределение нации, определенным образом интерпретируемое Гитлером, послужило идейным импульсом фашистской агрессии против Австрии, Дании, Чехословакии, затем Франции и т.д. И юридические гарантии германских границ 1918 года, закрепленные в подписанных Германией в 1925 году Локарнских договорах, ее не удержали. Так и сегодня, не право и мораль удерживают объединенную Германию от экспансии. Ее связывает международный контекст, вне которого она не сможет развиваться как передовое государство, условием процветания которого являются взаимная зависимость и взаимное доверие со всеми западными партнерами от бывшего классического геополитического противника — Франции до США.

Поэтому вместо трех принципов — гарантий прав национальных меньшинств, прав человека и уважения границ, — может быть, стоило оставить один — защиту общечеловеческих прав, дополнив его еще необходимостью исходить из существующих реалий, включая такие, как государственно-административные границы и сложившийся демографический состав.

Тогда сводная формула самоопределения наций примет, например, такой вид: 1) демократия как способ осуществления права на самоопределение от волеизъявления до принятия окончательного решения; 2) мирное решение споров; 3) гарантии прав человека; 4) сложившиеся на текущий момент реалии как исходная база для урегулирования.

Думается, что такое сочетание оптимально. Не оспаривая права на самоопределение, оно одновременно нацеливает на разумный внутренний компромисс, продвигаясь к которому каждой стороне предстоит сделать выбор между отделением как переделом крох нищего в пользу еще более бедного и интеграцией на основе **прибавочного** перераспределения преимуществ от ускоренного соразвития.

Рост потенциала межнациональной конфликтности в начале 90-х годов застал мир врасплох. Сообщество наций, 45 лет ориентированное на сдерживание ядерных вызовов и достигшее в этом неоспоримых результатов, оказалось плохо подготовленным к адекватному ответу на новую глобальную угрозу. И не оттого, что межнациональные конфликты являются по сути чем-то совершенно новым и неизвестным, а потому, что вся прежняя система международного управления конфликтами опиралась на незыблемый постулат — внутриполитическую стабильность главных несущих конструкций мировой структуры — США и Советского Союза.

В этом позитивном своем качестве СССР для мира давно потерян. Россия не смогла принять на себя стабилизирующие функции бывшего Союза. Не сыграл в этом смысле положительной роли и СНГ.